

М. О. СКРИПИЛЬ

„История“ о взятии Царьграда турками Нестора Искандера

I

„История“ о взятии Царьграда турками в глазах древнерусского читателя была не только рассказом или повестью о трагическом конце Византийской империи. Важна была не только сообщаемая ею фактическая сторона происшедших событий, но и тот строй идей, который нашел в ней свое выражение. Длительное бытование „Истории“ в древней русской литературе, ее проникновение в Хронограф и летописи, оказанное ею влияние на ряд историко-публицистических произведений древней Руси — всё это говорит о том, что она чем-то отвечала кореным идейным запросам древнерусского общества XV—XVI веков.

Однако определение идейного смысла „Истории“ затрудняется тем обстоятельством, что до настоящего времени еще не установлен ее первоначальный состав, не выяснен процесс ее создания, не определены ее редакции и генеалогические отношения между ними и т. д.

Для постановки вопроса о первоначальном составе „Истории“ есть ряд оснований. Во-первых, в сохранившихся текстах „Истории“, — в частности, весьма ранних по своему происхождению, таких, как текст добавочных статей Хронографа 1512 года, а также летописей Воскресенской и Никоновской, — она представлена в ином составе, чем в списке Троице-Сергиевой лавры № 773, начала XVI века.¹ Во-вторых, ее первая часть — рассказ об основании Царьграда — существует во многих рукописях в виде отдельного произведения. Наконец, в-третьих, послесловие Лаврского списка, в котором говорится об авторстве Нестора Искандера и о его дневниковых записях, также заставляет обратиться к составу „Истории“ и процессу ее создания.

Какие же ответы на эти вопросы мы находим в научной литературе?

Леонид, следуя за послесловием, считал, что Искандер, находясь в войсках, осаждавших Царьград, тайно записывал всё то, что происходило в турецком лагере. Когда же после падения Царьграда он вошел в город и от греков-очевидцев и участников сражений узнал, что во время осады происходило в городе, то он „тогда же записал эти рассказы“. Затем, по мнению Леонида, Искандер, приведя в порядок свои записки, составил „Повесть о Царьграде на память своего языка“, т. е. славянам, и вероятнее всего переслал ее в Москву через

¹ Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века. Памятники древней письменности, ОЛДП, СПб., 1886. В дальнейшем в скобках указываются страницы настоящего издания.

знакомых ему греков. Отсутствие послесловия во всех списках, кроме Лаврского, объясняется тем, что книжники опускали его, боясь, „дабы не уменьшить и не ослабить влияния «Повести» на народное чувство известием, что она написана «потурченцем»“. Что же касается цитаты из „Видения Даниила“, то отсутствие ее в ряде списков Леонид считает вторичным явлением. Таким образом, Леонид не сомневается в том, что тот состав, в котором „История“ представлена Лаврским списком, является ее исконным составом. Точно так же совершенно определенно решаются им вопросы о времени и процессе создания „Истории“ и о ее авторе. „История“, по мнению Леонида, написана Искандером по свежим следам событий, еще во время его пребывания с турецкими войсками в Царьграде. Судя по тому, что Леонид ничего не говорит ни о языке, на котором „История“ была написана, ни о переводе ее на русский язык, можно полагать, что и здесь для него всё было ясно — Искандер писал по-русски.¹

Такими простыми казались все эти вопросы для Леонида. Но по мере того, как всё глубже и глубже изучалась „История“, всё труднее оказывалось правильное решение их. Так, уже Г. Дестунис в своей статье по поводу издания Леонида высказал ряд осторожных, но вполне определенных замечаний о гречизмах, встречающихся в тексте „Истории“. Особенно ценно в этих замечаниях то, что Г. Дестунис не ограничивался только указанием гречизмов в лексике „Истории“, но отмечал их в ее синтаксических оборотах и фразеологии. Такие обороты как: „от среды сердца... моляхуся“ (8), „не бе от них ни гласа, ни послушания“ (10), „сотворити что мужественное на память последним“, „паки да придем к прележащему“ (29) и многие другие Г. Дестунис считал явно греческими оборотами.² Замечания Г. Дестуниса в известной мере вызвали сомнение в русском происхождении „Истории“, что в дальнейшем и сказалось на истории ее изучения. Правда, сам Г. Дестунис крайне осторожен в своих выводах, он считает, что „подобные обороты могли уже издавна войти да, без сомнения, и вошли в русскую письменность, и как бы срослись с нею так, что они не могут служить показателями того, что текст повести первоначально был написан по-гречески, а потом уже переведен“.³ Указав на наличие в тексте „Истории“ слов греческого „просторечия“ и рассмотрев некоторые эпитеты, Г. Дестунис приходит к следующему выводу: „Разбор вероятностей, клонящихся к тому или другому взгляду, скорее ведет к заключению о русском происхождении автора, нежели о греческом, хотя всё же такое заключение и не может быть нами признано за окончательное“.⁴

Если внимание к языку „Истории“ привело Г. Дестуниса к некоторому сомнению в русском происхождении ее автора, что для Леонида казалось бесспорным, то изучение фактических данных ее заставило другого крупного ученого, А. И. Соболевского, отрицать авторство Нестора Искандера. А. И. Соболевский увидел противоречие между содержанием послесловия и самой „Историей“. По его мнению, „фактические данные повести показывают, что автор во время осады Царьграда находился в Царьграде“. Что же касается повести, то она могла быть написана кем-либо из членов русской колонии Константинополя,

¹ Леонид, ук. соч., стр. III—VI.

² Г. Дестунис. Новоизданный список повести о Царьграде. ЖМНП, 1887, т. II, стр. 373.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 374.

позже возвратившимся на Русь.¹ Этим самым снимался вопрос о процессе создания „Истории“ в том виде, в каком его можно было представить на основе послесловия, и отрицалась исконность самого послесловия.

Изучение „Истории“, таким образом, возвращалось к тому состоянию, в котором оно было до открытия Леонида.

Позже превосходные для своего времени работы А. С. Орлова² об особенностях формы и стиля великорусской исторической беллетристики показали, что „История“ является продуктом древнерусской литературной культуры, что ее создание немыслимо вне русской почвы и необъяснимо вне традиций литературы древней Руси. Установленная А. С. Орловым тесная связь „Истории“ в отношении стиля с древнерусской исторической беллетристикой, а в отношении содержания (частично и в отношении стиля) с рядом известных в русском переводе сочинений — таких, например, как „Сказание о построении церкви Софии царьградской“, „Троянская притча“, „Троянские деяния“ и др., — приводила к новой постановке вопроса о процессе создания „Истории“.

Если „История“ возникла на русской почве и в то же время в основе своей имеет дневниковые записи Нестора Искандера, то, следовательно, необходимо разграничить, что в сохранившихся ее текстах принадлежит Нестору Искандеру и что тому неизвестному автору, который владел стилем древнерусской повествовательной литературы и писал на Руси. Сам А. С. Орлов поостерегся встать на этот путь. Но дальнейшее изучение „Истории“ пошло именно в этом направлении. Так, уже Г. П. Бельченко в своей статье „К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда“ определено становится на этот путь. При крайне слабой аргументации Г. П. Бельченко конструирует следующий общий вывод по вопросу о составе и процессе создания „Истории“: „В повести о Царьграде, в дошедшем до нас составе, мы можем выделить историческую часть, написанную Нестором Искандером во 2-й половине XV в., на основании дневника и рассказов современников, — и осложненную позднейшими наслоениями. Какой-то книжник переделал краткую историческую повесть о взятии Царьграда Нестора Искандера в духе религиозно-политической идеи. Он придал особое начало — повесть о создании Царьграда... Он расширил историческую часть вставками церковного характера (молитвы и знамения) и заключил ее пророческими предсказаниями о грядущих судьбах Царьграда“.³

М. Н. Сперанский в работе, публикуемой в данном томе, написанной в 1937 году, также останавливается как на единственно правильной, по его мнению, мысли о том, что авторству Нестора Искандера бесспорно принадлежали дневниковые записи о падении Константинополя, которые затем были переработаны на Руси в повесть каким-то „русским опытным в литературном деле книжником“. Ясно сознавая, что при таком освещении процесса создания „Истории“ подлинность

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 13.

² А. С. Орлов. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1902, кн. IV, стр. 1—50; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук, 1908, т. XIII, кн. 4, стр. 344—379.

³ Г. П. Бельченко. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 512—513.

ее послесловия оказывается под сомнением, М. Н. Сперанский оговаривает, что „и у Искандера было послесловие“ и „составитель повести мог просто перенести его целиком к себе“. К сожалению, это положение в статье М. Н. Сперанского остается неаргументированным. В решении вопроса о первой части „Истории“, — о так называемом сказании о построении Царьграда Константином Великим, — М. Н. Сперанский проявляет большие колебания. С одной стороны, он считает, что сказание — самостоятельное, отдельно существовавшее произведение и что „составитель (или редактор?) повести органически связал повесть о падении Царьграда со сказанием“. С другой стороны, он делает предположение, что „составитель повести был в то же время автором или по крайней мере редактором и сказания“. Причем, это последнее положение доказывается тем, что сказание и повесть „в комплексах и в отдельном виде встречаются вместе и вместе вошли в Хронограф“. Статья М. Н. Сперанского так и не дает прямого положительного или отрицательного ответа на вопрос об исконности соединения первой и второй частей „Истории“. Совсем уже непонятно, что дает основание М. Н. Сперанскому считать „вставкой“ ссылку автора „Истории“ на „Видения Даниила“ и „прибавлением“ — заключение „Истории“. Во всяком случае в статье никаких доказательств этого положения нет.

В самое последнее время вопрос о составе „Истории“ Нестора Искандера вновь поставлен в статье Н. А. Смирнова „Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г.“. Н. А. Смирнов идет еще дальше Г. П. Бельченко и М. Н. Сперанского в „выявлении возможных наслоений и дополнений“ в „Истории“. По его мнению, в ней „чисто механическим путем объединены разные сказания: они органически не связаны между собою и не могут быть приписаны одному Нестору Искандеру“. Стремясь определить, что же в „Истории“ принадлежит самому Нестору Искандеру, Н. А. Смирнов утверждает: „Ему безусловно принадлежит хроника осады Константинополя турками, ему же принадлежат некоторые сведения о положении в осажденном городе и, конечно, описание борьбы греков с турками, ворвавшимися 29 мая 1453 г. в самый город. Все остальные части «Повести», начиная с первой, посвященной истории основания Константинополя, равно как и встречающееся в некоторых вариантах перечисление византийских императоров, наконец, молитвы, произносившиеся греками в дни осады, рассказы о видениях, равно как и предсказания о судьбе Константинополя, приведенные в конце «Повести», и многие другие вставки, конечно, ничего общего с первоначальным содержанием «Повести» Нестора Искандера не имеют“.¹

Встретив столь категорическое решение вопроса о составе „Истории“ Нестора Искандера, читатель вправе ожидать развернутой аргументации его. Но этой аргументации в статье Н. А. Смирнова нет. Правда, Н. А. Смирнов пытается обосновать отдельные свои положения. Так, например, по его мнению, как легенда о змее и орле, так и предсказание о том, что „русии же род измаилита победит и Седмоходмого примут“, являются позднейшими вставками и перу Нестора Искандера не принадлежат, так как они „могли возникнуть только

¹ Н. А. Смирнов. Историческое значение русской „Повести“ Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. Византийский временник, Изд. АН СССР, М., 1953, т. VII, стр. 55—56.

спустя какое-то время после взятия турками Константинополя¹. Но это ошибочная аргументация: легенда о змее и орле античного происхождения, предсказания же о „русием роде“ и о „Седмохолмом“ были известны и в Византии и в переводе с греческого на Руси задолго до падения Константинополя по „Видению Даниила“ и по сочинению Григория Схолария, на переводы которых автор „Истории“ о взятии Царьграда и ссылается.

Ряд других, крайне ответственных утверждений, таких, например, как следующее: „Многие подробности, связанные с деятельностью во время осады императора Константинополя, патриарха и генуэзского военачальника Джустиниани, безусловно заимствованы у греческих авторов“, — Н. А. Смирнов оставляет вообще без всяких доказательств. Н. А. Смирнов не указывает этих неведомых „греческих авторов“, хотя все сочинения на греческом языке о падении Константинополя в науке давно известны. Он не считается и с тем, что это его утверждение противоречит свидетельству послесловия (подлинность которого он не отрицает) о том, как автор „Истории“, Нестор Искандер, войдя в Константинополь, от живых свидетелей событий — „от достоверных и великих мужей“ — собирал сведения о борьбе греков с турками.

Таким образом, и Н. А. Смирнов, подобно Г. П. Бельченко и М. Н. Сперанскому, не дает окончательного и строго обоснованного решения вопроса о составе „Истории“ о взятии Царьграда турками Нестора Искандера.

Концепция Г. П. Бельченко, М. Н. Сперанского и Н. А. Смирнова вошла в современные общие обзоры по истории древней русской литературы и в учебные пособия. Принятая указанными авторами концепция тормозит решение ряда больших вопросов изучения „Истории“. Не только не решается, но и не ставится вопрос о том, что представляла собой по своему идейному замыслу, составу, форме изложения и пр. повесть Нестора Искандера о падении Константинополя, которую он „вкратце изложих и християном предах на въспоминание преужасному сему и предивному изволению божию“. Не дается при этой концепции объяснение и тому, каким образом автор „Истории“, не будучи сам свидетелем осады Константинополя, достиг поразительного единства стиля при изображении картин военных сражений, так что традиционные формулы воинских повестей органически сливаются у него с художественным описанием новой техники артиллерийских боев; не объясняется сходство в идейном и в лексическом отношении послесловия, написанного Нестором Искандером, с остальными частями „Истории“, написанными русским автором, и т. д. Всё это вызывает недоверие к данной концепции и требует пересмотра вопроса о составе и процессе создания „Истории“ о взятии Царьграда турками.

II

Вопрос о составе и процессе создания „Истории“ о взятии Царьграда турками может быть правильно решен только при всестороннем анализе и текстологическом изучении ее. Некоторые данные, добытые при таком отношении к поставленной задаче, и имеет целью дать настоящая статья.

Анализ идейного содержания „Истории“ свидетельствует о том, что в том виде, в котором она представлена Троицким списком, она

¹ Н. А. Смирнов, ук. соч., стр. 56.

оказывается цельным, единым, законченным произведением. Освещение истории создания Константинополя, его процветания и гибели в духе христианской историософии, как мирового события, заранее predetermined, нигде и ни в чем на протяжении всего повествования не нарушается. Здесь каждая часть взаимно дополняет друг друга. Уже на первых страницах повествования о создании Царьграда, согласно концепции автора, рассказывается о дальнейшей судьбе нового города, о том, что „бесерменство одолеет хрестьянства“, а „напоследок паки хрестьянство одолеет бесерменства и Седмохолмаго примут, и в нем въдарятся“. Провиденциальная точка зрения на подлинную историю Царьграда искусно поддерживается в центральной части повествования рассказом о чудесных „знамениях“ и свое наиболее яркое выражение получает в заключительной части „Истории“, когда вновь вспоминаются уже в первой части приведенные слова Григория Схолярия (христиане „Измаилта победят и Седмохолмаго примут... и в нем въдарятся“) и делается ссылка на „Видения Даниила“. Наконец, и в послесловии гибель Византии объясняется „преужасным и предивным изволением божим“.

Но о цельности, единстве, законченности „Истории“ свидетельствует не только единство ее идейного смысла. Это же подтверждается и некоторыми особенностями ее лексики и фразеологии. Так, например, с начала и до конца „Истории“ последовательно и многократно повторяются одни и те же наименования высших чинов византийского двора: в первой части „Истории“ — „и абие цесарь... посылает в Визандию магыстров“ (2); „събра цесарь вельмож и мегистан и магыстров“ (2); „начаша делати... дома славны вельможам и мегистаном“ (3); в центральной части „Истории“ — „цесарь повеле вельможам и мегистаном“ (7); „и повеле магыстром“ (11); „стратигом же и мегистаном и всим конником приспевшим“ (34); „цесарь же паки помолвися стратигом и всим мегистаном и вельможам“ (35); „стратиги же и мегистаны и вси вельможи... отведоша цесаря“ (35); „и падоша стратиги и мегистаны и вси вельможи“ (36).

Так же последовательно в разных частях „Истории“ встречается такое редкое слово, как „поле“ в значении: портик, крытая галлерей (улицы), навес, предназначенные „на торгование“, площади. В первой части „Истории“: „Създа же цесарь и полату великую, иподрому предивную и две поле устрои, рекше, улице покровены на торгование“ (4). „Поле“ здесь — искаженное греческое *ἐμβολοί*, что легко восстанавливается по соответствующему тексту „Хроники“ Георгия Амартола: „Създав же полату и подърюмье и две имъполи, рекше улицы покровене, и търг ризны“.¹ В конце „Истории“ вновь трижды встречается это слово: „и посла град чистити, улицы и поля“ (38). В списках младшей редакции: „и посла во град чистити улицы и площади“.² „И пришед на поле у великия церкви, слезе с коня“ (39). Редактор XVI века переводит: „И пришед на площадь у великия церкви, слез с коня“.³ Несколько ниже здесь же читаем: „Видев ишедших полно поле и во все улицы идущих много“ (39). И в данном случае в более поздней редакции „Истории“ слово „поле“ переводится „площадь“.

Далее, трижды (в первой части, в центральной и в послесловии)

¹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пгр., 1920, стр. 339.

² ПСРА, т. VIII, 1859, стр. 142; т. XII, 1901, стр. 96; т. XXII, 1911, стр. 459.

³ ПСРА, т. VIII, стр. 143; т. XII, стр. 96; т. XXII, стр. 459.

встречаются в „Истории“ несколько необычные молитвенные обращения к богородице и к Троице, в которых особенно сходны заключительные слова, представляющие собой три варианта одного и того же предложения. В первой части „Истории“: „...яко да и в нем (в Константинополе, — М.С.) прославится и возвеличится имя великолепна Твоего в веки“. В центральной части „Истории“: „...яко да и всем (осажденным, — М.С.) прославиться и возблагодарить всесвятое и великолепное имя Твое“ (29). В послесловии: „...яко да и аз (Нестор Искандер, — М.С.) препрославлю и возблагодарю великолепное и превысокое имя Твое“ (43).

Затем и в первой, и в центральной части „Истории“ повторяется один и тот же прием определения мирового значения Константинополя. Так, в первой части при описании выбора Константином Великим места для новой столицы говорится, что „он... прилежааше мыслью на Трояду, идеже и всемирная победа бысть Греком на Фряги“ (т. е. Фриги, — М.С.; 2). В конце же центральной части вновь подчеркивается мировое значение Константинополя, созданного народом, который победил Троию: „Беззаконный Магумет седе на престоле царствия благороднейша суща всех, иже под солнцем, и изобладаше владеющих двема части вселенныя и одоле одолевших гордаго Артаксерксия невместима пучинами морскими и воя вода ширя земля и потреби потребивших Троию предивну и семьюдесятью и четырма крали обороняему“ (40).

Наконец, особое значение в решении вопроса о первоначальном составе „Истории“ и процессе ее создания имеют встречающиеся в ее тексте слова новогреческого языка. Впервые некоторые из них отметил И. И. Срезневский, правда, не предлагая по поводу их никаких своих объяснений. Г. Дестунис уже определенно считает такую форму, как „тумбаны“, напоминающей *τὸυμπανα* греческого, как он говорит, „просторечья“ (вместо литературного *τὸυρπανα*). Известная в „просторечье“ форма „Аморей“ предположительно производится им от *ἸΜωρέας*.¹ М. Н. Сперанский указывает две другие формы „греческого просторечья“: Визандия и Констандин.² Но никаких определенных выводов из этих наблюдений ни Г. Дестунис, ни М. Н. Сперанский не делают. А между тем, наличие в тексте „Истории“ нескольких слов новогреческого языка заслуживает весьма пристального внимания. Дело в том, что они встречаются на протяжении всего текста „Истории“. Правда, в дошедших до нас текстах „Истории“ они сохранились не с одинаковой полнотой. Формы „Визандия“ и „Констандин“ оказались в письменной традиции менее устойчивыми, чем формы „Аморей“ и „тумбаны“. И это вполне понятно. Первые легко вытеснялись широко распространенными в живой русской речи и в письменности литературными формами „Византия“ и „Константин“. Формы же „Аморей“ и „тумбаны“, мало известные в живой речи и письменности, сохранились во всех случаях употребления этих слов. Само собой разумеется, что наличие слов новогреческого языка во всех частях „Истории“ может только подтверждать предположение о ее исконной цельности и единстве.

Все многочисленные списки „Истории“ о взятии Царьграда турками разбиваются на две группы. Первая из этих групп представлена пока единственным известным в науке списком Троице-Сергиевой лавры № 773, начала XVI века; вторая — большим количеством списков

¹ Г. Дестунис, ук. соч., стр. 373.

² См. выше, стр. 152, примеч. 1.

XVI—XIX веков. Широкое распространение второй группы объясняется тем обстоятельством, что ее списки попали в число дополнительных статей русского Хронографа 1512 года, а также летописей — Воскресенской, Никоновской, Львовской и Симеоновской.

Эти группы представляют собой две редакции „Истории“. Генеалогические отношения этих редакций определяются довольно легко. Старшинство редакции, представленной списком Троице-Сергиевой лавры, бесспорно. В ней нет тех многочисленных пропусков, которые все без исключения встречаются в списках второй группы, очевидно, как результат когда-то произведенного сокращения первоначального текста „Истории“. Для нее характерно наличие цитаты из „Видения Даниила“, идущей непосредственно вслед за ссылкой на Григория Схолария. В ней есть краткое заключение и послесловие Нестора Искандера. Ее язык в лексическом отношении бесспорно старше языка редакции, известной нам по второй группе списков.

Есть все данные считать, что редакция „Истории“ о взятии Царьграда турками, представленная второй группой списков, является вторичной по своему происхождению. Она создана путем сокращения более пространного текста „Истории“, причем сокращение это было предпринято с ясно осознанной целью и выполнено в определенном направлении. Изменения, внесенные в первоначальный текст, свидетельствуют о том, что редактор стремился придать произведению, повествовавшему о падении Константинополя, вид исторического документа. С этой целью он, во-первых, положил начало членению „Истории“ на отдельные части и эпизоды, руководясь хронологическим принципом изложения, и, во-вторых, сильно и равномерно сократил первоначальный текст.

Действительно, именно редактору младшей редакции принадлежит выделение рассказа об основании Константинополя в особую, отдельную часть. Он обособляет центральную часть повествования, сочинив для нее заглавие и поставив год нападения турок на Константинополь. Всего этого не было в первоначальном тексте „Истории“. В нем повествование о различных причинах ослабления Византии „ныне в последняя времена“ вполне логично переходило в рассказ о Магомете, который, „сия убо вся уведав“, вероломно нарушает мирный договор с греками и внезапно нападает на Константинополь. Эта тенденция членения „Истории“ на отдельные части и эпизоды получает свое дальнейшее развитие в ее хронографическом тексте. Здесь уже обособляются все эпизоды, рассказанные под определенным числом.

Характер сокращений первоначального текста очень наглядно раскрывает цель редактора. Сокращаются различного рода детали рассказа, особенно пространные поэтические описания сражений, тактики наступления и обороны и пр. Правка идет через весь текст. Подчас она очень скрупулезна — и тщательна, и мелочна. Сокращения касаются не только более или менее значительных эпизодов, но и отдельных предложений, из которых выбрасываются сочетания слов и даже отдельные слова. Благодаря этому редактор действительно достигает своей цели: впечатление документальности повествования усиливается. Но в целом оно проигрывает в художественном отношении, блекнет и обесцвечивается.

Приводим несколько примеров редакторской правки.¹

¹ Здесь и дальше старшая редакция цитируется по Леониду, младшая редакция — по ПСРА, т. XXII. В скобках указаны страницы соответствующего издания.

Старшая редакция

Падаху бо трупиа обоих стран, яко снопы с забрал, и кровь их течааше, яко реки по стенам; от вопля же и крычания людцкаго обоих и от плача и рыдания градцкаго, и от зуку клаколнаго и от стуку оружия и блистанія мняшесе всему граду от основания превратитися; и наполнишася рвы трупиа человека до верху [14].

Тако и потоци вси наполнишася и брегы вокруг града трупиа, и крови их, акы потоком сильным теши, и пажушине Галатцкой, сиречь Илменю всему кроваву быти и облизу рвов по долиам наполнитись крови: тако силне и нещадне сечахуся [14].

И абие, пришед со многою силою, взяша их и пожгоша; крови же оставшей в рвах и в потоцех сгнившесе, смрад приношааше велий, но обаче граду не повреди, ветру относящу [15].

Турки же вскрычавше злостию, окружиша его тмочисленне и сечаху его. Греки же нужахуться крепко отъяти его, и не возмогоша, но и падоша мнози; и разсекоша Турци Рахкавея на части, и тако прогнаша греков в град [20].

...Турком многим вшедшим в град, конным и пешцем, возвратиша паки стратиг и бяху их нещадне, съваху бо ся на них, акы дивии звери. И аще не бы ускорила цесарь к ним, конечная уже бы погыбель граду; достигшу же цесарю, вопияше на своих, укрепляя их, и, возрыкав яко лев, нападе на Турки со избранными своими пеща и конники и сечаше их крепко [22].

О полом же месте сеча не преста, но паче растяше. Турком бо велицей силе приступальше сечахуся и погоняху граждан сурово“ [32].

Нестор Искандер был, повидимому, воином-профессионалом. Он легко восстанавливал в своей памяти ход тех сражений, в которых участвовал сам или о которых слышал рассказы очевидцев, и находил точные и образные слова для описания их. Он хорошо знал приемы единоборства и современную ему тактику наступления и обороны и в своих описаниях поединков и сражений обращал внимание на эту сторону дела. Пожалуй, впервые в древней русской литературе мы встречаем описания поединков, подобные следующим.

1. „Бегилар-бей же восточный велику сушу и мощну, воскричав со всею силою восточною, и нападе на Греки, и размеси полки их, и прогна их и, взяв копие, напусти на цесаря.

„Цесарь же, подав ему щит, отведе ему копие и ударив его мечем в главу, и разсече его до седла, и абие возошиша Турки многими гласы и падши отъяша его и отнесоша“ (34).

С профессиональной четкостью Нестор Искандер в этом описании единоборства цесаря и Бегилар-бея указывает в действиях цесаря три

Младшая редакция

Падаху бо трупиа обоих стран, яко снопы с забрал, и кровь их течаше яко реки.

и наполнишася рвы трупиа человека до верху [448].

Такоже и потоци и бреги вокруг града наполнишася трупиа,

Илменю Галатийскому кроваву быти, тако силне и нещадне сечахуся [448]

И абие, пришед с многою силою, взяша их и пожгоша [449]

Турки же, тмочисленно окруживше его, сечаху люте

и разсекоша Рахкавея на части и греков прогнавше в град [457].

...Турком многим вшедшим в град, конником и пешцем, возвратиша стратиг паки и биахуся нещадне и одолеваху греков. И аще не бы ускорила царь к ним, конечная уже бы погыбель граду; достигшу же царю

и нападоша на Турки с избранными своими и сечаше их нещадно и ужастно [452].

О полом же месте сеча не преста, но паче растяше. Турки бо великою силою одолеваху граждан [456].

приема, обеспечившие ему победу. Кроме этого, он не забывает сказать, что тело Бегилар-бея турки „падши отъяша“, как действительно только и можно было это сделать во время сражения конницы.

2. „Он [Амарбей] же видев Рахкавея люте секуща Турок, обнажив мечь, нападе нань, и сечахуся обои люте. Рахкавей же, наступив на камень, удари его мечем по плечу оберучь и разсече его на двое: силу бо имяше велию в руках“ (20).

В этом описании поединка Амарбея и Рахкавея замечательно указание на то, что пехотинец может с силой, не потеряв равновесия, ударить врага мечом „оберучь“ только тогда, когда его нога найдет опору.

Всё это чисто профессиональные знания. Подобного рода сцены мало привлекают редактора младшей редакции. Он упрощает, сокращает или совсем опускает их. Так, например, в описании нападения турок ему непонятно то, что сейчас называется артиллерийской подготовкой, и он сокращает текст своего источника.

Старшая редакция

Видеша Турки башту делающих, вскоре пустиша на них изо многих пушек, и не даша им делати; онем же постранившимися от пушек, вскоре наскочиша множество турок на полое место, тажко и греки против. И бысть брань велиа [37].

Младшая редакция

Видеша Турки башту делающих, вскоре наскочиша множество их на полое место, тажко и греки противу. И бысть брань велиа [455].

Язык „Истории“ в данной редакции в ряде случаев изменен: устаревшие слова опущены или заменены более новыми и понятными, место поэтических оборотов заняла прозаическая речь и т. п. Причем, изменение языка характерно именно для редакции в целом, а не для ее отдельных списков и, следовательно, является результатом редакторской правки. Так, например, редактор, очевидно, не знает о делении турецких войск на темы, т. е. десятитысячные отряды, и потому опускает это слово; для него непонятно выражение „чины врат [т. е. войск] своих“ и он опускает слово „врат“ и т. п.

Приводим несколько примеров работы над языком „Истории“ составителя ее младшей редакции.

Старшая редакция

Турки же бяшесе по всем местом, якоже преди рекохом, без опочивания, пременяющеся, занеже множество тем бяху их [72].

И начаху бити град отвсюду и мосты на рвех наряжати [28].

Магумет же окаанный со всеми чины врат своих... прииде на полое место [28].

Егда же сказаше цесарю, абие распадесе крепостию и истаяше мыслию и скоро поиде к нему [30—37].

Видев же стратиги и вси гражане болма прибывающих турок, начаша бежати [32].

.. и яко уже о семей године тоя ночи [33].

.. и дав ему конечное целование [36].

... и абие повеле их истязав посети [40].

Младшая редакция

Турки же, ко всем местом приступающе, стужаху гражаном без опочивания, пременяющеся, занеже множество их бе, якоже и пред рекохом [448].

И начаша бити град отовсюду и мосты ко граду на рвех чинити [454].

Магмет же окаанный со всеми чины своими... прииде на полое место [454].

Егда же сказаша о нем царю, абие зело опечалися царь и скоро поиде к нему [455].

Видевше же стратиги и вси граждане устремление турков, начаша бежати [456].

В седмый убо час нощи [456].

И давше ему последнее целование [457].

И абие, истязав их, повеле казнити смертью [459].

Но в тексте „Истории“ младшей редакции следует отметить и такие изменения, которые нельзя относить за счет сознательной работы редактора. Так, очевидно, вследствие какой-то случайности в списках этой редакции, как правило, нет цитаты из „Видения Даниила“, нет заключения и послесловия. Есть определенные основания утверждать, что в старших списках этой редакции, если не все эти части, то во всяком случае цитата из „Видения Даниила“ была. Ясное представление об этом создает список, принадлежавший С. В. Максимову.¹ Это поздний и дефектный список данной редакции. Он относится к XVII веку. В нем нет первой части — рассказа об основании Константинополя. Но он замечателен тем, что, как и в старшей редакции, в нем вслед за ссылкой на Григория Схолярия идет цитата из „Видения Даниила“. Следует учесть и данные списка БАН, 31.4.21 (Толст. 49), XVII века, в котором также встречается упоминание о „последнем видении Даниила“, хотя сама цитата и не приводится. Таким образом, само собой отпадает необоснованное утверждение Г. П. Бельченко, М. Н. Сперанского и других, что в редакции, представленной списком Троице-Сергиевой лавры, цитата из „Видения Даниила“ является вставкой. Она была как в старшей, так и в младшей редакции „Истории“ и, очевидно, восходит к авторскому тексту. Во всяком случае ее отсутствие в большинстве сохранившихся до нашего времени списков младшей редакции не может поколебать авторитет текста старшей редакции как текста цельного, некомпильтивного, лишённого позднейших вставок и дополнений.

Такое же значение в этом вопросе имеет и то обстоятельство, что во всех списках младшей редакции нет краткого заключения и послесловия. Сомневаться в наличии послесловия в „Истории“ в ее начальном виде, это значит не признавать его подлинности. Но для этого нет никаких оснований. В научной литературе об „Истории“ никто, кроме А. И. Соболевского, совершенно бездоказательно отвергнувшего послесловие, не высказывал сомнений в его подлинности и в правдоподобности сообщаемых в нем сведений о Несторе Искандере. Наоборот, не только общие соображения, но и детальные сопоставления „Истории“ с сочинениями Франдзи, Дуки, Халкокондила, Кривовула и других авторов, писавших о падении Константинополя, создали в русской науке прочное представление об авторе „Истории“ как об очевидце совершавшихся событий, ближе и точнее других изобразившем действия турок и то, что происходило в их лагере. Еще в конце прошлого века П. Д. Погодин в своей статье „Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 году“, сопоставляя „Историю“ Нестора Искандера с напечатанными к его времени источниками о падении Константинополя, писал: „При сличении же с вновь изданными памятниками той эпохи, мы можем указать многое, что увеличивает, а не умаляет историческое достоинство повествования Искандера“.² Таким образом, можно считать признанным, что содержание „Истории“ не противоречит тем автобиографическим данным, которые Нестор Искандер сообщает о себе в послесловии, а, наоборот, подтверждает их правдоподобность. Особенности же изложения послесловия, как мы видели, тесно связывают его с другими частями „Истории“ в ее старшей редакции. Отсутствие же его, равно как и краткого заключения,

¹ В. Яковлев. Сказания о Цареграде по древним рукописям. СПб., 1868, стр. 56—116.

² ЖМНП, 1889, т. VIII, стр. 249.

в младшей редакции вернее всего объясняется тем, что в руках редактора был список старшей редакции, в четверку, без последнего листа.

Следует особо оговорить еще одну особенность младшей редакции. Известное место об избавителе Константинополя от турок в одних списках этой редакции читается так же, как и в старшей редакции: „Русии же род“ и пр.; в других же: „Руский же род“. Даже лучшие старшие списки в этом месте дают разные чтения. Так, в Хронографе и в Воскресенской летописи: „Руский же род“; в Никоновской: „Русии же род“. Так же разноречивы в этом отношении и списки „Истории“ в различного рода сборниках. Вывод в данном случае может быть только один: редактор младшей редакции оставил это место без изменения. Чтение „Руский же род“ — это особенность отдельных списков, а не редакции, это домысел переписчиков. Многие списки просто сохраняют правку „Русии“ на „Руский“ или „Русийский“.

Сопоставление двух редакций „Истории“ приводит нас к ряду выводов. Оно, во-первых, дает основания для признания редакции, представленной списком Троице-Сергиевой лавры № 773, начала XVI века, старшей редакцией „Истории“, на основе которой путем сознательного сокращения ее текста возникла младшая редакция, получившая широкое распространение потому, что списки ее попали в русский Хронограф и летописи. Сопоставление это, во-вторых, показывает, что „История“ была написана в том составе, в каком она представлена ее старшей редакцией. В тексте этой редакции нет позднейших дополнений и вставок, кроме незначительных вариаций отдельных чтений. Благодаря этому сопоставлению, в-третьих, можно подойти к постановке вопроса о времени создания „Истории“. Если составление младшей редакции, вследствие наличия ее списков в составе дополнительных статей Хронографа 1512 года (которые, по А. Шахматову, были написаны не позже 20-х годов XVI века) и в летописях, может быть отнесено к первым десятилетиям XVI века, то возникновение „Истории“ в первой редакции, более архаичной по своему составу и языку, вряд ли можно вынести за пределы XV века.

III

В русской науке настойчиво повторяется стремление поставить „Историю“ о взятии Царьграда турками в ряд тех произведений, которые разрабатывали теорию „Москвы — третьего Рима“. Особенно категорически эта точка зрения выражена в „Истории русской литературы“. Здесь мы читаем: „Повесть Нестора Искандера в ее русской переработке вошла в круг публицистических и исторических сочинений, которые со второй половины XV века настойчиво развивали теорию „Москвы — третьего Рима“, преемницы павшего Царьграда“.¹ Такое решение вопроса об идейном замысле „Истории“ о взятии Царьграда турками в настоящее время общепризнано.

Следует обратить внимание на то, что для такого решения этого вопроса как будто бы есть некоторые данные в самой „Истории“. В самом деле, Константинополь в ней называется Новым Римом: „И назва град — Новый Рим“ (4). Затем наименование грядущего избавителя Константинополя — „Русии род“, „Русы язык“ в той международной обстановке, которая создалась в XV веке в связи с падением

¹ История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 225.

Византийской империи, могло прозвучать как определение исторической миссии Руси, перспектив ее политической жизни. Именно эта вторая особенность „Истории“ вызвала и в науке истолкование ее смысла в этом направлении. Вот как, например, выражена эта концепция в книге Н. К. Гудзия: „Падение Константинополя, — пишет он, — должно было необычайно окрылить московскую официозную мысль и укрепить в ней представление о том, что погибшие религиозные и политические византийские ценности должны вновь возродиться уже на русской почве. К этому и сводился публицистический смысл повести Нестора Искандера“.¹

Однако этих данных, на наш взгляд, недостаточно для того, чтобы „Историю“ о взятии Царьграда турками вводить в круг произведений, развивавших теорию „Москвы — третьего Рима“, и считать, что в ней в какой-то мере ставится вопрос о возрождении на русской почве „погибших религиозных и политических византийских ценностей“. Наименование Константинополя „Новым Римом“ свидетельствует только о том, что в этом отношении автор „Истории“ следовал прочно установившейся средневековой традиции. Греческие и латинские средневековые историки и писатели нередко называют Константинополь Новым Римом.² Историческое предание даже связывает возникновение этого названия с самим основателем Константинополя. Так, Феофан пишет, что Царьград был назван Новым Римом самим Константином. Близко по смыслу к этому и свидетельство М. Гезихия. Новым Римом называют Константинополь Григорий Богослов, Оттон Фризингенский и др. Таким образом, очевидно, что наименование Константинополя Новым Римом в „Истории“ не стоит ни в какой зависимости от созданной на Руси в конце XV — начале XVI веков теории „Москвы — третьего Рима“, хотя это наименование по своему смыслу весьма близко стоит ко „второму Риму“ данной теории.

Царьград уже с самого момента своего основания окружается в греческой литературе целым рядом литературных произведений провиденциального или мистического характера. Они писались в форме ямбических стихотворений, поэм, загадок, сновидений, прорицаний и пр. Их авторы подражали то античной поэзии, то народным произведениям, то апокалипсису и т. д. В них шла речь о чудесном возникновении Царьграда, о его патрональных святынях, осуществлявших волю провидения и, чаще всего, о его неизбежной гибели. Причем, произведения эти появлялись у греков еще задолго до действительного падения Византийской империи. Складывалась определенная историософия, основанная частично на исторических знаниях и опыте, частично на различного рода религиозно-мистических учениях, сообразно которой Византийская империя, как и ряд государств древнего мира, падет под ударами внешних врагов, но в конце концов будет спасена посланным свыше царем. Этот взгляд на будущую судьбу империи имел широкое распространение и среди высших слоев византийского общества, и в народной среде. Его придерживались такие политические и церковные деятели, как патриарх Мефодий, сенатор Григорий Схолярый (впоследствии — патриарх Геннадий), Георгий Франтца и мн. др. В течение ряда веков менялось представление о враге Византии, и предсказания об угрожающей ей опасности последовательно применялись то к арабам, то к славянам, то к крестоносцам, то, наконец, к туркам.

¹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1950, стр. 245.

² И. И. Срезневский. Повесть о Цареграде. Ученые записки II отделения Академии Наук, СПб., 1854, кн. I, разд. III, стр. 106.

Так, Г. Франтца в своей „Хронике“ пишет: „Я слышал, что как в древности Ассирийское царство разрушено Вавилонянами, Вавилонское Персами, Персидское Македонянами, Македонское Римлянами, так и Римская империя (в данном случае Византийская, — М.С.) будет разрушена Оттоманами; но и их конец придет в назначенное время“.¹ Здесь же у Г. Франтцы мы находим любопытное свидетельство о том, что и народ в Византии придерживался аналогичных взглядов на историческую судьбу своей родины, правда, облекая свои чаяния и ожидания в формы более конкретные и определенные, чем ученые и поэты. По словам Г. Франтцы, при взятии Царьграда турками в народе ходила молва, что „их царство будет продолжаться во всей силе и процветании 309 лет, а потом для него настанет 56 лет опасных и тяжелых, так что все время и счастливого и несчастного господства магометан будет равняться 365 годам“.² Но если на протяжении веков менялось представление о порабителе Византии, всегда отражая реальную опасность, то неизменным (по крайней мере с X века) оставалось определение ее освободителя. Это — „русый язык“, т. е. народ („Видения Даниила“), „род русских“ (Григорий Схолярй), причем греки под этим наименованием никогда не имели в виду русский народ.

Всё наиболее популярное из этой легендарно-политической литературы предсказаний о будущей судьбе Царьграда было известно в переводах на Руси в XV веке и раньше. Это — „Видения Даниила“, предсказания патриарха Мефодия, знаменитые комментарии сенатора Григория Схолярйа к надписи на крышке гробницы царя Константина Великого, которые Григорий Схолярй написал в 1421 году, и др.

Автор „Истории“ о взятии Царьграда турками был в курсе всей этой литературы. Главное, он глубоко усвоил лежащие в ее основе историко-философские взгляды и мистические настроения греков и с исключительной талантливостью и последовательностью провел их через всё свое произведение, тем самым перенося читателя в тревожную и трагическую обстановку гибели мирового, по средневековым представлениям, города. Он изображает события осады и падения Царьграда в хронологической последовательности; но свое историческое повествование, в фактическом отношении весьма точное, он соединяет с легендарным сюжетом об основании, гибели и возрождении Царьграда. Этот сюжет именно как отдельный, самостоятельно задуманный элемент композиции „Истории“, очень ярко выделяющийся на общем фоне повествования своими специфически легендарными чертами, в основном опирается на греческую литературу предсказаний.

Можно указать основные части этого сюжета.

Во-первых, это мотив о чудесном „знамени“ при основании города, в данном случае — борьба змея и орла при основании Константинополя. Мотив этот известен еще в античном греческом эпосе, но здесь он осмыслен в духе христианской символики: змей — символ магометанства, орел — христианства. Символическая борьба орла со змеем не только предваряет, но и определяет собой всё дальнейшее содержание „Истории“: ею подготавливается повествование о трагическом конце мирового города.

Во-вторых, составной частью этого сюжета является мотив ухода из обреченного на гибель города его патрональной святыни — ангела, изображение которого было в св. Софии. Об атмосферном явлении

¹ Цит. по: М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками. Ученые записки II отделения Академии Наук, СПб., 1854, кн. I, стр. 113.

² Там же.

(свет над городом), бывшем в ночь на 25 мая 1453 года, упоминает и Г. Франтца, рассказывая о том, какое смятение вызвало это явление в лагере турок. Но автора „Истории“ интересует не эта сторона дела. Он увидел в этом явлении осуществление древнего предсказания о том, что чудесный свет и ангел — покровитель Царьграда, всегда пребывавшие в св. Софии, в дни гибели Царьграда покинули город. Легендарные данные, о которых он мог узнать и устным путем, и через рукописное, известное в русском переводе „Сказание о построении церкви Софии Царьградской“, он объединил с описанием явления, действительно имевшего место в последние дни существования Византии, и выразил этим нарастающий ужас греков. Итак, все древние предсказания сбываются. Царьград берут турки, в бою погибает последний византийский император Константин XI. „И збысться реченное: Костянтином създася и паки Костянтином и скончася“, — напоминает автор „Истории“, подобно тому, как вспомнили об этом и Эней Сильвий Пикколомини (впоследствии папа Пий II) в своем письме к кардиналу Сбигневу архиепископу Краковскому и грузинский летописец. Трагедия империи закончена. Осталось досказать только о последних боях на улицах города и мероприятиях Магомета по их прекращению.

Но в сознании человека средних веков история Царьграда не заканчивалась его порабощением турками. Если сбылись все предсказания о его гибели, сбудутся предсказания и о его возрождении: „Аще вся прежереченная Мефодием Патаромским и Львом Премудрым и знамения о граде сем съверьшишася, то и последняя не прейдут, но также съвршится имут“ (40), — говорит автор „Истории“. Мотивы предсказаний, взятых из комментариев Григория Схолария и „Видений Даниила“, предсказаний о том, что „русий“ [русоволосый] народ победит Измаила [турок] и христианский Царьград возродится, и составляют третью часть легендарного сюжета „Истории“. Этот легендарный сюжет как бы накладывается автором „Истории“ на основную ткань его исторического повествования, меняя самый тип этого повествования. Эпизоды „Истории“, написанные в развитие этого сюжета, являются символическим изображением всей истории великого города, истории действительной и воображаемой: его основания, падения под ударами турок и возрождения в грядущие века. В общей фабуле „Истории“ именно он, этот легендарный сюжет, является носителем провиденциальной точки зрения ее автора на историю Царьграда.

В задачу автора входило так написать историю Царьграда — историю его прошлого, настоящего и будущего, — чтобы была очевидна предопределенность его исторического бытия, так как только при ней сохранялась надежда на его возрождение. Такова историсофия автора. Она хорошо известна нам по греческой литературе, предвалявшей падение Византии. Ее мы обнаруживаем в большей или меньшей мере и почти во всех рассказах и мемуарах о взятии Царьграда, написанных современниками этого события. Исторические суждения автора не выходят за ее пределы. Он не предлагает никаких конкретных форм освобождения Царьграда в ближайшем будущем, потому что не видит их, как, впрочем, не видели их и государственные или политические деятели на Руси и в годы падения Византии, и в более позднее время.

На иных позициях стояли политические деятели (главным образом — из среды духовенства) католического Запада. Равнодушные к судьбе осажденного Царьграда и даже враждебные грекам, они буквально в первые же дни после победы турок подняли тревогу, говоря о турецкой опасности для всего христианского мира и побуждая правителей

различных государств объединиться в крестовом походе против мусульман. Экс-митрополит русский Исидор, кардинал Сабинский, а впоследствии греческий вселенский патриарх, ставленник папы, в особом звании „Universi Christi fidelibus“ одним из первых призывал всех христиан опоясаться мечом в защиту погибающей христианской веры. Папа Николай V (1447—1455), а затем папа Каллист III (1455—1458) весьма усердно, хотя и безуспешно, также проповедывали крестовый поход против турок. В ряду самых ревностных поборников крестового похода против мусульман особенно выделялись кардинал Эней Сильвий Пикколомини и Виссарийон, архиепископ Никейский, кардинал Римской курии и преемник Исидора постановлением папы на троне Константинопольского патриарха. Они использовали всё свое влияние, связи, материальные средства, дипломатическое искусство, речи, воззвания, письма для того, чтобы убедить христианских государей принять участие в крестовом походе. В адрес греков раздавались обвинения в неискреннем отношении к унии, в невежестве, ереси, схизме. Церковным деятелям вторили историки и поэты. Так, например, ярый папист Убертин Пускул из Брешии, побывавший в Византии в плену у турок, написал поэму „Constantinopolis“ в четырех песнях, в которой он дал широко очерченную картину падения Константинополя и характеристику причин этого события. Останавливаясь на вопросе о недостаточной помощи со стороны западных государств Византии в ее борьбе с турками, Пускул в страстных выражениях во всем винит греков, указывая на их лицемерие, недоверчивое отношение к папе и пр.¹

Греки отвечали католикам такой же неприязнью и столь же тяжкими обвинениями. В этом отношении особенно характерен пример Г. Франтцы. Работая над своей „Хроникой“ много лет спустя после падения Византии, он довольно последовательно выдерживает объективный тон письма при описании поступков лиц, так или иначе связанных с этим событием. Но он изменяет себе, когда говорит о том, что католики после победы турок, смеясь, говорили грекам, что еретики и не заслуживают лучшей участи. У Франтцы вырываются негодующие слова: „А как будто вы уцелели от того, что вы православны? вы забыли, что не всегда православны те, которые господствуют, и не всегда те еретики, которые поработены; а тому доказательством служим мы, греки“.²

Но как изображены „фряги“ автором „Истории“? Одни, те, которые жили в Константинополе или приехали в него для того, чтобы поступить в войска императора, представлены у него героями; другие же — врагами греков. Он упоминает о двукратной посылке греческих послов с просьбой о помощи и „в Амморею, и во все острова и в Фрязех“. Но посылки эти оказались безуспешными. „Цесарь же Костянтин, — пишет он, — посылаше по морю и по суку, в Аморею к братии своей, и в Венецею и в Зиновию о помощи, и братия его не успеха, понеже распря велия бе между ими, и с Арбанаши ратовахуса, и фрягови не восхотеша помощи, но глаголаху в себе: не дейте, но да возмут ѝ Туркы, а у них мы возмем Царьград“ (11).

Мысль, приписанная здесь „фрягам“, с исключительной яркостью выражает собой направление, характеризовавшее политику католического Запада в отношении Византии, изнемогавшей под натиском

¹ П. Д. Погодин. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 году. ЖМНП, 1889, т. VIII, стр. 227—242.

² М. Стасюлевич, ук. соч., стр. 70.

мусульман. В какой мере эта мысль справедлива — это особый вопрос. Но выраженное через нее отрицательное отношение к „фрягам“ крайне характерно для умастроения греков времени осады и падения Константинополя. Дука и другие хронисты сохранили многочисленные факты такого именно понимания греками политики Запада.¹ Автору „Истории“ нельзя отказать в прекрасном знании и понимании исторического момента, переживаемого Византийской империей. Он ярко выразил определенную тенденцию общественной мысли, возникновение которой объяснимо только среди населения Византии.

IV

Текстологическое изучение „Истории“ о взятии Царьграда турками и рассмотрение ее состава приводят к мысли, что время ее возникновения вряд ли можно вынести за грань XV века. Анализ ее идейного содержания подтверждает этот вывод. Она не выходит из круга вопросов, теснейшим образом связанных с падением Византии. Для нее это событие — еще современность. Описывая упадок Византии в последние годы ее существования, автор „Истории“ говорит об этом как современник этих событий: „Ныне в последняя времена, грех ради наших, овогда находением неврных, овогда голодом и поветрей частыми, овогда же межусобными браньми, ими же оскудеша сильнии и обнищаша людие и преуничижися град и смирися до зела“ (6). И второй раз уже в послесловии автор снова прибегает к этой же самой категории времени: „И ныне в сем великом и страшном деле. . . уловляя время дозрением и испытанием великым писах в каждый день творимая деяния“ (43). И в данном случае „История“ оказывает впечатление произведения цельного, одновременно и одним автором написанного. Автор „Истории“ в том виде, в каком она сохранилась в списке Троице-Сергиевой лавры, — современник упадка Византии и взятия Константинополя турками. Время написания „Истории“ определяется границами его жизни.

Изучение идейного содержания „Истории“ о взятии Царьграда турками, ее состава и жизни ее текста приводят нас к твердому убеждению в ее исконной цельности и единстве, которые обнаруживаются в ее историософии, строе идей, композиции, художественно-образной системе, фразеологии, языке. Следует еще раз отметить ее отношение к древнерусской литературе. В ряде своих частей и отдельных эпизодов она имеет текстуальные совпадения с переводными произведениями, известными в древнерусской литературе: в первой части — с „Хроникой“ Георгия Амартола и Еллинским летописцем, в центральной части — со „Сказанием о построении церкви Софии Цареградской“, в конце — с комментариями Григория Схолария и „Видениями Даниила“. Особенности своего стиля „История“ еще теснее, чем с переводными произведениями, связана с древнерусской оригинальной исторической повествовательной литературой.

Всё это приводит нас к выводу, что „История“ в том составе, в каком мы ее знаем по списку Троице-Сергиевой лавры № 773, XVI века, является произведением одного автора, писавшего по-русски и в таких условиях, которые предоставляли ему возможность обильно черпать материал из древнерусской переводной и оригинальной литературы, хорошо знать ее, сжиться с ее традициями, уметь творчески пользоваться ими.

¹ М. Стасюлевич, ук. соч., стр. 99—101.

Был ли у него под рукой источник в виде предполагаемой краткой повести Нестора Искандера? Думаем, что нет. Во всяком случае в доказательство существования этой краткой повести никогда и никем из ученых не приводилось никаких аргументов. Предположение о существовании краткой повести Нестора Искандера было только рабочей гипотезой, которая на определенном этапе изучения „Истории“, когда постепенно всё отчетливее и отчетливее складывалось представление о ее русском происхождении, сыграла свою положительную роль. Но она же одновременно с этим приводила и к тем ошибочным, с нашей точки зрения, позициям в решении вопроса о первоначальном составе „Истории“, на которых оказались авторы последних исследований этого произведения — Г. П. Бельченко, М. Н. Сперанский и Н. А. Смирнов.

Сейчас, отбросив эту гипотезу, можно значительно проще объяснить процесс создания „Истории“. Единая и цельная в своей идейно-художественной основе, „История“ была написана человеком большого литературного таланта, хорошо ориентированным в сложной международной обстановке времени падения Византийской империи, которого обстоятельства то вынужденно, то по доброй воле сближали и с турками, и с итальянцами, и с греками. В описании осады и обороны Константинополя он обнаруживает чисто профессиональные знания и навыки военного искусства. Будучи потурченцем, он пишет свою „Историю“ „христианом... на въспоминание“ в то время, когда обстоятельства его личной жизни позволяют ему сказать о себе: „Всемогущая же и животворящая Троица да мя приобщит паки стаду своему и овцам пажити своея“ (43), т. е., очевидно, уже не находясь в войсках Магомета. Ему не нужно было возобновлять знания своего родного языка, — которым мог быть только славянский, а не греческий язык, так как в пользу последнего в самом тексте „Истории“ нет никаких данных, — потому что он, очевидно, и не забывал его. Слова „измлада взят бив и обрезан“ не говорят еще о том, что автор „Истории“ попал в турецкий плен ребенком. Обычное в древнерусской литературе „измлада прилежаху святых книг“ говорит об отроческом возрасте. О Данииле, принимавшем участие в битве на Калке, Галицкий летописец пишет: „А самому Данилу бодену бывшую в перси, младъства ради и буести не чюяше ран, бывших на телеси его“ (Ипатьевская летопись, под 6732 г.). В турецких войсках автор „Истории“ был, конечно, в славянском отряде, вследствие чего он и мог уклоняться от участия в сражениях, между прочим, и „совещанием приятелей своих“. Правильно оценивая огромное международное значение падения Византийской империи, он скромно замечает, что всё, что он сам наблюдал и что собрал „от достоверных и великих мужей“, он „въкратце изложих“. Такой, по справедливости, представляется ему его „История“.

Одним словом, в решении вопроса о создании „Истории“ нет оснований отказываться от авторства Нестора Искандера и брать под подозрение всё то, что по этому вопросу излагается в послесловии. Что же касается вопроса о том, каким образом Нестор Искандер оказался в условиях, которые позволили ему прибегнуть к древнерусской переводной и оригинальной литературе, то здесь начинается зыбкая почва гипотез, на которую сейчас преждевременно вступать.

Как и „Сказание о Вавилоне граде“, „История“ о взятии Царьграда турками Нестора Искандера свидетельствует о пробуждении в русском обществе середины и второй половины XV века интереса к между-

народным делам, к осмыслению мировых событий. Именно за это, как показывает литературная судьба „Истории“, она прежде всего и ценилась. Падение мировой империи в ней осмыслялось на уровне историсофии ее века, в средневековых условиях равно распространенной в пределах всего христианского мира. Правильно расценивая борьбу исторических сил на мировой арене XV века, она порицала католический Запад и турок как непосредственных виновников падения Константинополя и в то же время с сожалением, но открыто признавала неизбежность и закономерность гибели мировой империи.
